

ПИСЬМО К. ЛЕОНТЬЕВА

о вѣрѣ, молитвѣ, о немощахъ духовенства и о самомъ себѣ *).

В. И. О. С. и Св. Д. А.

„Да (говорите Вы) я въ глубинѣ души отношусь къ ви не только съ наружною почтительностію, а со страхомъ и трепетомъ, *но не такъ, какъ повелѣваетъ намъ законъ.*

О. Этого я не думаю; Думаю, что главныя основанія Ваши правильны, и что тѣ недостатки Ваши, о которыхъ Вы дальше упоминаете, происходятъ или отъ неопытности *духовной* или принадлежатъ къ тому, что зовется „искушеніями“. Отъ искушеній же и Святые не изъяты. И безъ нихъ ни *вѣра* сама не утверждается, ни навѣкъ къ нравственнымъ подвигамъ (*о Христѣ*) не *приобрѣтается*. (*Я прибавилъ „о Христѣ“ нарочно, чтобы обозначить, что нравственность самочинная, какъ у честныхъ атеистовъ и т. п. ни малѣйшей цѣны для загробнаго спасенія не имѣетъ; она можетъ быть для житейскихъ сношеній очень удобна и пріятна, но освященія она не имѣетъ, она хорошій бѣлый хлѣбъ, а не вынутая просвира.*)

*) Письмо это писано было къ одному молодому человѣку, студенту Моск. Университета, въ отвѣтъ на его просьбу разрѣшить нѣкоторыя его религіозныя сомнѣнія. Помимо своей автобіографической цѣнности, письмо это представляетъ большой интересъ особенно для молодежи, нерѣдко волнуемой тѣми же религіозными вопросами. Важно и то, что содержаніе письма было извѣстно Оптиному старцу о. Амвросію и имъ одобрено. Печатается оно все безъ пропусковъ. Прот. *И. Фудель*.

Вы говорите: „Въ Бога я *вѣрю*, но вѣра моя какая то *неровная*. Иногда я *молюсь* съ наслажденіемъ; иногда только по привычкѣ отчитываю молитвы“.

И прекрасно дѣлаете, что по привычкѣ ихъ читаете. Этотъ трудъ, это понужденіе, это изволеніе первичное, этотъ навыкъ болѣе въ нашей волѣ, чѣмъ то наслажденіе, которымъ Вы довольны.

Это одинъ изъ главныхъ пунктовъ *современныхъ* ошибокъ и недоумѣнія. Мы все нынче ищемъ сразу *сильнаго* чувства, трогательнаго ощущенія, *искренности* и т. д. (Фуделевъ въ своей брошюрѣ съ особымъ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ объ этой искренности) ¹⁾. Это большая ошибка. Не только *ровную* молитву пріобрѣсти *невозможно*: но и *ровная вѣра* едва ли кому нибудь доступна, развѣ великимъ подвижникамъ. (И за то, что у нихъ вѣра всегда ровна, я не ручаюсь; свидѣтельство Св.-отеческихъ на это не помню).

Помните Евангельское: „*Вѣрую*, Господи, *помоги* моему *невѣрiю*“. Можно считать себя *вѣрующимъ* и даже *правильно въ основанiяхъ* вѣрующимъ; но нельзя никогда считать себя *достаточно вѣрующимъ*. Св. отцы оставили намъ примѣры этому: многіе изъ нихъ, принимая охотно всякія обвиненія въ грѣхахъ страстей (напр.: ты блудникъ, ты гордый, ты сребролюбивый! и т. д.), соглашались съ обвинителемъ и говорили: это правда. (И говорили это искренно, ибо тонкимъ и долгимъ вниманіемъ къ своимъ психологическимъ процессамъ узнали на опытѣ до чего и они, подвижники, внутренне „удобопреклонны“ и до чего и въ нихъ есть зародыши всѣхъ пороковъ, которые при невниманіи могли бы разростись сильно). Но когда имъ говорили: ты еретикъ, эти Отцы Церкви отвѣчали рѣшительно: „*нѣтъ я не еретикъ!*“ Они сознавали, что вѣра *ума*, такъ сказать, (или по нѣнѣшнему „убѣжденiя“) у нихъ была *правильная*; претендовали только на *качественную* правоту своей вѣры; а, конечно, не на *количественную* и постоянно высочайшую *интенсивность* ея. Первое есть только обязанность *исповѣданiя*, второе было бы *духовной гордостью*. Поэтому не смущайтесь и Вы черезъ мѣру ни *сухостью* мо-

¹⁾ Но дѣло не въ самой искренности, а въ ея *направленiи*. И Желябовъ былъ вѣроятно, искреннѣе въ своей *вѣрѣ* человекъ, коли на висѣлицу пошелъ.

ЛИТВЫ Вашей, ни даже временными колебаніями *сердечной вѣры*. Храните крѣпко только ту *вѣру ума*, о которой и выше я говорилъ, а что касается до сердечныхъ порывовъ при молитвѣ, то она сама будетъ *приходить* какъ утѣшеніе, поддержка и награда отъ Бога. О! какъ мнѣ все это знакомо! И я даже завидую Вамъ (т. е. дружески, любовію завидую, *радуюсь* за Васъ), завидую, что Васъ всѣ эти вопросы волнуютъ въ 20 съ чѣмъ то лѣтъ, а не въ 40, какъ случилось со мною. Сила молитвы даже и самой сухой удивительна. Въ 85-мъ году я живя лѣтомъ одинъ и больной въ Мазиловѣ, познакомился тамъ съ извѣстнымъ Пругавинымъ (я его считаю нигилистомъ, *настоящимъ, твердымъ и жестокимъ, но выжидающимъ, сдержаннымъ и осторожнымъ*). Меня онъ очень интересовалъ: а онъ съ своей стороны былъ ко мнѣ съ виду довольно внимателенъ. Говорили мы и о религіи. Онъ мнѣ сказалъ между прочимъ, что одинъ монахъ совѣтовалъ ему *молиться*, чтобы *приобрѣсть вѣру*. Пругавинъ удивлялся, „какъ это можно молиться Тому, въ Кого не вѣруешь“. (Впрочемъ для исторической точности замѣчу, что онъ *поостерегся* выразиться (*при цензорѣ, вѣроятно*) такъ рѣзко, какъ выразился я; онъ не сказалъ „Тому въ Кого“,—а просто *молиться безъ вѣры*... Это все таки цензурнѣе). А *монахъ былъ правъ*. Съ нашей стороны достаточно *принципіальнаго* изволенія; *искренняго желанія подчиниться* ученію Церкви; *дѣйствию* молитвенное, смиреніе, *послушаніе совѣту*—болѣе въ нашей волѣ, чѣмъ *чувство* молитвенное, чѣмъ *приобрѣтеніе* этого чувства. Знаю это по опыту. Въ концѣ 60-хъ годовъ (подъ 40 лѣтъ), я былъ уже *исторически* подготовленъ (если можно такъ выразиться про отдѣльное лицо) къ воспріятію ученія Церкви; я *очень желалъ* уже и тогда увѣровать снова, какъ вѣрилъ въ дѣтствѣ, съ простотою сердца и живостью. (Простота ума не нужна: простота *сердечнаго* отношенія необходима). Я *любилъ* вѣру православную, но у меня не было *страха Божія*; или лучше сказать—*тѣни* этого страха только изрѣдка посѣщала меня *на минутку*. Мнѣ не доставало тогда *сильнаго* горя; не было и *тѣни смиренія*, я вѣрилъ *въ себя*. Я былъ тогда гораздо счастливѣе (за 30 лѣтъ. въ Турціи), чѣмъ въ юности и потому я былъ крайне самодоволенъ. Съ 69 года *внезапно* начался переломъ; ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Я впервые *ясно* почувствовалъ надъ

собою какую то высшую десницу и захотѣлъ этой десницѣ подчиниться и въ ней найти опору отъ *жесточайшей* внутренней бури: я искалъ только *формы* общенія съ Богомъ. *Естественнѣе* всего было подчиниться въ *православной формѣ*. Я поѣхалъ на Аѳоны, чтобы *попытаться* стать *настоящимъ* православнымъ; чтобы меня строгіе монахи *научили* вѣровать. Я согласенъ былъ имъ *подчиниться* умомъ и волей (и этому *много* помогала и косвенно содѣйствовала одна уже вовсе не личная, не сердечная вещь, а объективная, или философская, этому *рѣшенію*, этой *охотѣ* подчиниться ученію Церкви много содѣйствовало глубокое и давнее обращеніе мое *къ современнымъ прозаическимъ формамъ* прогресса, къ равенству правъ, къ изобрѣтеніямъ, машинамъ, сообщеніямъ этимъ, къ какому то вообще „штатскому“ и практическому будто бы міровоззрѣнію и т. п.). Между тѣмъ *удары* *извне* сами по себѣ продолжались все болѣе и болѣе сильныя; *почва* душевная была готова и пришла, наконецъ, неожиданно минута, когда я, до тѣхъ поръ вообще смѣлый, почувствовалъ незнакомый мнѣ дотолѣ *ужасъ*, а не просто страхъ. Этотъ ужасъ былъ въ одно и то же время и духовный и тѣлесный; одновременно *и ужасъ грѣха и ужасъ смерти*. А до этой минуты я ни того, ни другого сильно не чувствовалъ. *Черта завѣтная была пройдена*. Я сталъ бояться Бога и Церкви (какъ Его *выраженія*). Съ теченіемъ времени *физическій* страхъ опять *проиель*, духовный же остался и *все* *выросталъ*.

Было время (именно отъ 71-го до 73-го года на Аѳонѣ и въ Царьградѣ), когда я очень *горячо* и усердно молился о прощеніи грѣховъ и объ *отдыхѣ на землѣ*; но о *спасеніи души*, о *загробной* жизни просто и думать не хотѣлъ. Моя молитва и моя вѣра были тогда съ *этой* стороны какими то „ветхозавѣтными“. Отецъ Іеронимъ, великій Аѳонскій старецъ и наставникъ мой, *какъ нельзя* проще посоветовалъ мнѣ *повторять* только каждый день: „Господи, пошли мнѣ вѣру въ загробную жизнь и утверди ее въ сердцѣ моемъ“. И *послалъ* Богъ и утвердилъ. А я твердилъ это чаще *сухо*, невнимательно, *формально* (какъ нынче любятъ говорить, забывая, что эта *форма* то и есть *выраженіе основной идеи—покорности, послушанія* Церкви и т. п.). Сильно *чувствовать* всякій *разъ* при молитвѣ невозможно; это не зависитъ отъ

насъ. Взять книжку, прочесть, *принудить* себя, когда и *не хочется*; понудить себя при этомъ къ болѣеи сосредоточенности мысли—это все мы можемъ. Да и что можетъ быть благороднѣе, возвышеннѣе, привлекательнѣе, почтеннѣе, когда видишь, что человекъ сильный по молодой ли энергїи или по зрѣлому опыту жизни, или умомъ высокообразованный склоняется во прахъ не только передъ невидимымъ Богомъ, но и передъ обычаями вѣры, даже передъ представителями учительствующей Церкви Его; несмотря на то, что они сами очень часто слабы и недостойны. „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему“.

Отъ этого легко переходъ и ко второму Вашему сомнѣнїю.

2. Священникъ, о которомъ вы говорите, дурной человекъ; вы это знаете и васъ его плохая нравственность *смущаетъ при принятїи таинствъ*. *Не смущайтесь*; это смущенїе есть дѣйствїе демоническихъ началъ. Я сказалъ—„не смущайтесь“... Я выразился не точно. Смущаетесь вы *неволью*. Трудно не смущаться при видѣ служителя алтаря Божїя, который ведетъ себя неприлично. Преодолѣть въ себѣ это чувство вполне невозможно, да пожалуй что и не всегда нужно. Въ этой досадѣ кроется и доброе чувство—*уваженїя* къ его сану, къ мистическому освященїю его особы. (Просфѣра дурно испечена, но *частица* все таки изъ нея *вынута*). Досадовать можно (не *злобствуя*; а лишь скорбя); но не надо *давать себѣ волю* смущаться. Аскетическіе писатели различаютъ въ дѣлѣ грѣховной борьбы нѣсколько степеней: 1. *Прилогъ*; 2. *Сосложненїе* и т. д. до настоящей *страсти*. Первый, *прилогъ* не отъ насъ; онъ отъ діавола; человекъу набожному *встрѣчается* молодая женщина; онъ *обратилъ* вниманїе на ея красоту (*прилогъ*). Начинаетъ онъ *думать*, съ *целасжденїемъ* *останавливается* на этомъ, мечтаетъ—это *сосложненїе*. Незнающему—простительно, знающїй *долженъ сдѣлать* *целие* ума и воли, молитвой или другимъ занятїемъ отогнать *прилогъ* этой мысли и т. д. Тогда онъ правъ (хотя все таки и не безгрѣшенъ).

(Какъ это у Пушкина:

Напрасно я стремлюсь къ сіонскимъ высотамъ

Грѣхъ тяжкій гонится за мною по пятамъ“ и т. д.

Твердо не помню).

То, что я сказалъ о женщинахъ (о блудѣ), приложимо и

къ гнѣвному движенію, и къ зависти, и къ корысти и ко всѣмъ грѣхамъ. Прилогъ, сосложеніе... и наконецъ *страсть* въ полномъ развитіи. Приложимо оно и къ вашимъ чувствамъ. У Васъ *невольное* движеніе досады на *неприличнаго* священника (я говорю неприличнаго, потому что не знаю какія у него слабости; Вы не пишете; предполагаю у *русскаго* священника *пьянство* и какое нибудь грубое, слишкомъ уже откровенное (до цинизма *искреннее*) корыстолюбіе). Умственный судъ Вашъ справедливъ; нельзя обманываться, онъ *нехорошо* ведетъ себя: Вы судите *безъ злорадства*, Вы готовы простить ему это (вы, положимъ, никогда не забываете правила: „Возлюби ближняго твоего, но *возненавидь грѣши его*); вы только *скорбите*; пока это все еще не бѣда. Но вотъ вдругъ у Васъ является *мысль*, что у него и *Таинство* совершится не можетъ. Вопросъ о личной и *перемѣнчивой* нравственности священника Вы совсѣмъ не кстати вдругъ переносите въ область догматической, основной, не *подлежащей* *измѣненію* мистики. Это уже прилогъ. Эта *мысль* прилогъ. Оставьте ее *безъ* вниманія, отгоните ее какъ докучную муху, скажите себѣ: *какой вздоръ*. Боже, помоги моему мало-вѣрью. И *муха* отлетитъ. *Сосложенія* не произошло. Оставайтесь на этой мысли, Вы *смутились* и само Св. Причащеніе приняли не совсѣмъ *чисто* и спокойно. Но все таки лучше *принять*, чѣмъ сказать себѣ: „ахъ, я не достоинъ, я не могу причаститься“ и уйти. Мы *всегда* болѣе или менѣе недостойны. Если считать что мы всегда *одинаково* недостойны; то это смиреніе будетъ на границѣ *отчаянія*. Средній путь, здравый тотъ, что мы всегда недостойны, но въ *неравной* степени. Было бы нелѣпо воображать, что степень вашего недостойнства при подобномъ минутномъ смущеніи также велико, какъ недостойнство другого человѣка, который, можетъ быть, рядомъ съ вами причащается вовсе *безъ* вѣры во 1-хъ, а потому что того требуютъ какія нибудь его практическія дѣла (служба, бракъ, угода сильному и т. д.) и вдобавокъ причащается, не *говѣвши*, не готовясь, не постясь даже и ни дня, а послѣ ночи, проведенной съ любовницей.

Вы *обязаны* знать при этомъ, что во *всечлѣстности* жизни своей этотъ, въ данную минуту преступный человѣкъ, быть можетъ, больше вашего угоденъ Богу; но въ этомъ частномъ случаѣ онъ, конечно, недостойнѣе Васъ.

Не знаю, хорошо ли я объясняю, но я передаю Вамъ то, *чѣмъ руководюсь въ жизни самъ*. Такъ меня учили и древніе аскетическіе писатели и духовные старцы нашего времени.

На счетъ „благаго духовенства“, а иногда и монаховъ, я Вамъ скажу, что эти чувства ваши какъ нельзя *болѣе мнѣ знакомы по опыту*. И послѣ 17 лѣтъ моего близкаго обращенія съ монахами (и православнымъ ученіемъ вообще) не могу освободиться отъ досады *на грубость чувствъ и манеръ* во многихъ духовныхъ лицахъ нашихъ. Но виноваты не эти люди, или бѣдные, или вовсе неблаговоспитанные, *виновато дворянство русское*. Оно такъ пошло отбилось отъ религін и отъ Церкви, что само, лишившись ея утѣшеній и ресурсовъ ея могучаго міровозрѣнія, лишило съ другой стороны Церковь и Іерархію своей благовоспитанности, своихъ тонкихъ и сильныхъ чувствъ, своего изящества, своей *житейской поэзіи*.

Что же никто изъ насъ *не идетъ въ монахи*? Что же все *собираются только* въ священники? Я не говорю *въ сельскіе* непремѣнно, не надо возлагать на себя „бремена неудобно-носимыя“, а хоть въ Соборные Протопопы и то хорошо. Одинъ, другой, третій и т. д. Это отразилось бы и *на многихъ низшихъ*.

Молодые люди все хотятъ *сразу наивысшаго* подвига и къ тому же *вольнаго*. А надо вспомнить двѣ крайности: *сущее монашество*, въ которомъ *зависимость отъ воли другихъ* тяжелая, и *нигилистость*. Отчего нигилисты тверды въ достиженіи своихъ преступныхъ цѣлей. Оттого, что они *жестокостю другъ отъ друга зависятъ* и боятся другъ друга.

И „человѣчество“ и отдѣльный человѣкъ вообще вовсе не такъ высоки нравственно, какъ хотятъ ихъ сдѣлать иные идеалисты. Они могутъ стать получше и похуже; но нельзя въ идеаль отказываться ни для себя, ни для другихъ *отъ грубыхъ основъ психологическихъ* — тонкаго страха передъ сильнѣйшими, самолюбія, вещественныхъ нуждъ и т. д. Величайшіе христіанскіе подвижники жестокими усиліями надъ собою вырабатывали въ себѣ большею частію въ поздніе годы *приблизительную только* свободу отъ всего этого. Они проходили прежде строгое *послушаніе другихъ*.

Пусть-ка дворяне и вообще люди *молодые* прежде вотъ на этомъ поприщѣ испытаютъ себя, на поприщѣ христіанскаго

само-спасенія, само-исправленія, само-подчиненія даже и плохому духовенству. А потомъ ужъ народъ учить... Благородныя мысли Фуделя, напр., и книжка его очень симпатична ¹⁾ Но содержать ли онъ самъ посты? Служаается ли Церкви? Если нѣтъ, и если онъ при этомъ покоенъ совѣстью, то Боже избави насъ отъ такихъ народныхъ учителей. Пусть лучше народъ грамоты не знаетъ вовсе, чѣмъ видѣть такіе примѣры въ учителѣ. А притворяются только для народа—куда жъ тогда мы дѣнемъ ту искренность, которой они (юноши) такъ гордятся.

Рачинскій постится; Катковъ и Аксаковъ постились. Вл. Соловьевъ постится, и я пощусь, иногда по крайней слабости рыбу ѣмъ; а ужъ мяса и молока постомъ ѣсть не стану. Едва теперь ноги таскаю, а ужъ не оскоромлюсь (развѣ въ дорогъ, да и то не Вел. Постомъ); а многіе считающіе себя православными вѣдь въ Страстную даже не могутъ безъ мяса дышать.

Ужъ не внѣшность ли это одна?

Нѣтъ не внѣшность одна, а душевный и тѣлесный подвигъ. Душевный въ томъ, что я насильно, но съ радостью исполняю предписаніе Соборовъ. Тѣлесный, конечно, въ томъ, что постное рѣдко кто любитъ, и многіе отъ него (въ началѣ особенно) отвѣжиши, даже болѣютъ. Какая же тутъ внѣшность? Внѣшность отъ внутренняго побужденія любви къ исполненію заповѣдей Церкви. „Вѣра безъ дѣлъ мертва“. Но дѣла не въ одной милостыни, какъ многіе думаютъ и въ любви къ ближнему. Она и въ любви къ Богу. Земное же, доступное намъ, выраженіе любви къ Богу есть любовь къ Его заповѣдямъ. Богъ, Христосъ, Св. Отеческая Церковь. Кто любитъ Высшаго, тотъ Ему повинуется и противу вкусовъ своихъ. Повинуюсь Св. Отеческому ученію, повинуюсь Христу; повинуюсь Христу, повинуюсь Богу.

Ясно, надо поститься, надо читать и насильно и сухо молитвы, надо говѣть и т. д.

Нелюбви нашего невоспитаннаго духовенства не должны насъ надолго смущать.

¹⁾ Книжка, о которой неоднократно въ этомъ письмѣ упоминаетъ К. Леонтьевъ, былъ мой первый трудъ, только что появившійся въ печати: „Письма о современной молодежи и направленіяхъ общественной мысли“.

Мы сами „воспитанные“ виноваты, что не хотимъ и не умѣемъ облечь въ Церковныя формы наше болѣе тонкое содержаніе. Нельзя пороки сословія переносить на то ученіе, которому это бѣдное и грубое сословіе, какъ умѣетъ по мѣрѣ силъ своихъ, служить. Врачъ (человѣкъ высшаго, общественнаго воспитанія) исцѣли себя самъ.

К. Леонтьевъ.

Писано по благословенію Оптинскаго Старца
о. Амвросія. Мартъ 88 г. Оптина Пустынь.

Будьте, голубчикъ, здоровы и веселы.

Пишите иногда, не забывайте.

А Фуделевъ вѣрно разсердился на мой „формализмъ“,—что не хочетъ войти со мной въ „общеніе“. Напрасно; мнѣ его брошюрка нравится, какъ молодой зеленый березникъ; строится изъ него еще нельзя, а для хорошей метлы, сметать нигилизмъ очень годится. Summ cuique. Пойдетъ прямо и на постройку будетъ хорошъ.

Сообщилъ протоіерей Іосифъ Фудель.
